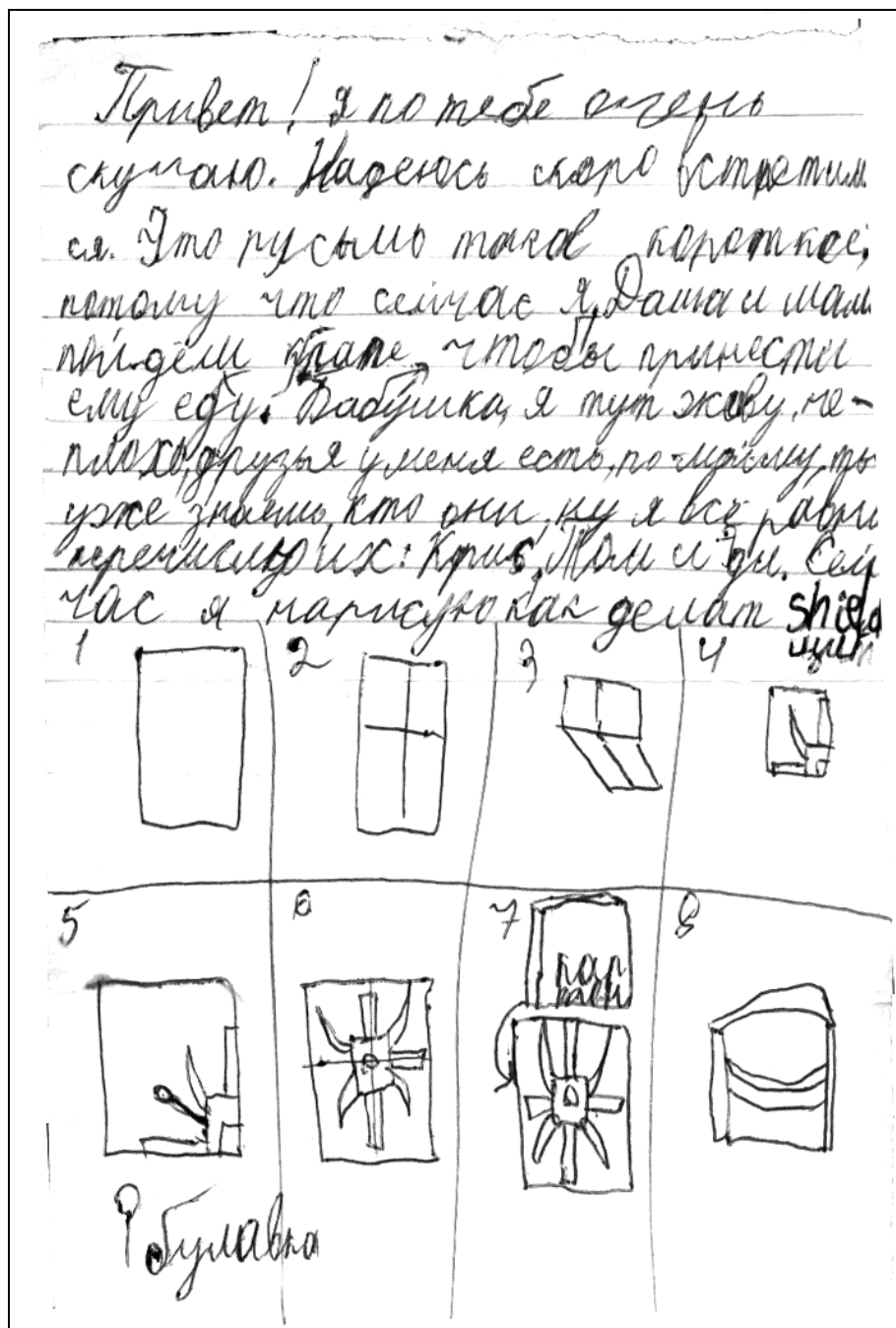

*Горит восток зарею новой.
Уж на равнине, по холмам
Грохочут пушки. Дым багровый
Кругами всходит к небесам
Навстречу утренним лучам.*

Есть кассета, на которой записано его исполнение. Выучил Гриша и «Бородино» М.Ю. Лермонтова, разучил мелодию. Шел на карусель к Семенычу (это в Крутом), крутился и радостно громко пел «Бородино», чем очень развлекал соседей. После того, как ребята, уехав в США, перестали приезжать в Крутое, Семеныч часто вспоминал Гришино пение и горевал, что больше его не услышит.

Гринька вообще любил петь. Когда мы ходили в лес или в поле, пели разные песни – «Там, вдали за рекой», «По долинам и по взгорьям», «Землянка», «Катюша». На кассете есть удивительная запись – я учу Гриню петь «Землянку», а он комментирует почти каждое слово песни.

В то время с удовольствием были трудности, и я в первый же год развела довольно большой огород. Колхозный тракторист распахал клин под картошку, однако трактор поднял наверх большие тяжелые пласты глины, которые приходилось дробить лопатой почти все лето. Так что в следующие годы нанимала для распашки конюха с лошастью. Высадила несколько сортов картошки, купленной в институте картофелеводства. Вскопала большое количество гряд под огурцы, лук, томаты, морковь, перец и прочие овощи разных сортов. Наступил август, настала пора копать и убирать картошку. И тут у меня появился добровольный помощник – Гриня, который с увлечением занимался сортировкой картошки. Дело в том, что я высадила сортов пять или семь, чтобы выбрать на будущее лучший сорт. Объяснила Грине, как различать сорта, и он с азартом раскладывал картошку по сортам, приговаривая: «Это – адретта, это – розовая, это – синеглазка, это – весна, это голландская, это – свинкам». Провели дегустацию, больше всего нам понравилась Адретта, сорт немецкой селекции, – круглая, ровная, с очень неглубокими глазками, с желтой вкусной мякотью. Хороша была и розовая с длинными ровными клубнями, она, разрезанная вдоль, запекалась, как красивые пирожки и тоже была вкусная.

Письмо моего внука Гриши

Научившись читать, Гриша увлекся морскими животными – китами, дельфинами, акулами, читал специально купленную книгу о них, разглядывал картинки и пытался рисовать рыб. Когда мы решили, что Даша и Гриша будут рассказывать деревенским ребятам о том, что прочитали в книжках, Гриня приготовил сообщение – «лекцию» о китах, дельфинах и акулах. Готовился серьезно, сделал несколько рисунков – наглядное пособие, и серьезно, хотя и не без шуток, прочитал свою лекцию.

В конце лета 1993 года Таня с детьми уехала, как я уже писала, в Англию, где уже работал Леша. Навсегда

запомнила случай, который произошел там с Гришей. Об этом случае рассказали ребята, возвратившись в Москву.

Жили они тогда в небольшом городе Эксетере, где улицы были узкими, все дома, с маленькими палисадниками перед ними, очень похожие друг на друга. Леша, Таня и дети отправились как-то в гости к русским знакомым, жившим в том же городке. Таня и Леша, разговаривая, шли впереди, рядом шла Даша, а Гриша позади – прыгал и веселился. В какой-то момент, свернув на очередную улицу, ребята, обернувшись, не обнаружили Гриши. Побежали назад, но ни на этой, ни на другой улице его не обнаружили. Стали спрашивать редких прохожих, не видели ли они мальчика лет восьми. И кто-то, наконец, им сказал, что видел на соседней улице мальчика, который лежал на тротуаре и горько плакал... Это был Гриша. Успокоили его, пытаюсь представить все в юмористическом виде, но знаю, что после этого случая Гриня некоторое время ходил по улице за ручку. Когда ребята рассказали мне об этом случае, я долго не могла успокоиться, переживала и страдала, представляя, как маленький Гриня, не зная города, не зная языка, должен был испугаться... Вспомнила аналогичный случай, произошедший с ним в Москве. Дети были в кинотеатре «Звездный», куда их привезли родители и оставили смотреть какие-то мультики на время, пока сами пойдут в магазины. Грине какое-то время спустя надоело смотреть, он встал и тихонько ушел из зала. Вышел на улицу и пошел по подземному переходу на другую сторону проспекта Вернадского на детскую площадку, которую он заметил из окна автобуса, когда они ехали в кино. Зашел во двор какого-то дома и поиграл там на детской площадке. Потом спокойно отправился обратно.

Тем временем, сеанс закончился, Даша вышла из кинотеатра, и тут обнаружилось исчезновение Гриши. Началась легкая паника, куда девался Гриня, Даша объяснить не могла. Место бойкое, перекресток двух больших улиц, народу полно. Где искать Гришку?! Психовала больше всех, как всегда, я, приехавшая, чтобы взять детей к себе в Раменки. Стали расспрашивать прохожих, которые ничего не могли сказать, и вдруг увидели на другой стороне проспекта нашего мальчика, который спокойно направлялся к подземному переходу. Все закончилось благополучно, хотя

Гриня получил хорошую словесную взбучку. Слава Богу, что в те времена еще не крали детей!

В последний раз ко мне в Крутое ребят привозили на месяц (с 17.06.96 по 22.07.96 года). Все было, как обычно, – чтение, игры, занятия русским языком, походы в лес. Правда, к этому времени Гриня уже умел читать и развлекал нас с Дашей выразительным чтением «Денискиных рассказов», заставляя смеяться до упада, так как каждый персонаж Гриша представлял с большим юмором.

И вот однажды, когда мы пошли в лес, Гриня спел мне новую песню. Это была песня Юрия Шевчука «Не стреляй!» Растрогал меня до слез – я тогда ее впервые услышала. В те годы группа ДДТ, в которой пел Ю. Шевчук, была очень популярна. Мои ребята часто слушали ее с дисков, Леша разучивал разные песни этой группы. Не удивительно, что и Гриша полюбил их. Меня поразило другое – выбор именно этой трагической песни среди множества других – веселых, лирических и сатирических. Позже, в какой-то из моих приездов в США, мы ездили в Чикаго на концерт группы ДДТ, где я услышала ее в исполнении Шевчука и поняла, что это одна из лучших его песен.

В 1998(?) году Леша должен был делать доклад на конференции в Швеции или Дании. Он взял с собой Таню и Грину, приехали они на несколько дней раньше начала конференции в Ленинград и жили эти дни у Минтаириных, своих американских соседей, приехавших в Америку из Ленинграда.

Чтобы повидаться с сыном и внуками, я поехала в Ленинград. Встретились мы в Старом Петергофе, куда Таня, Гриша и его московский друг Коля Случанко, приехали посмотреть Екатерининский дворец и парки. Вместе полюбовались дворцом, ходили по паркам. Поговорить с Гриней не удалось – он был занят общением с Колей и знакомством с разными достопримечательностями. После экскурсии ребята поехали в Питер, а я направилась к своим друзьям, жившим в Старом Петергофе, где обычно останавливалась, приезжая в Ленинград. Еще раз мы увиделись у Минтаириных перед отъездом ребят на конференцию. Там и вовсе было не до разговоров. Через день проводила их до автобуса, который увез их в Финляндию.

Больше Гриша в Россию не приезжал, в отпуск ребята стали ездить в другие страны – Италию, Канаду и в другие

штаты Америки, в частности на Аляску, а с 2003 года, когда Грине исполнилось 18 лет, поездки в Москву стали вообще недоступны – призывной возраст... Так что теперь вижу Гришу только в Америке.

Мой внук Гриша в США

Первый раз я полетела к ребятам в Штаты зимой 1995 года.

Встретили меня в Чикаго всей семьей. Погрузились в машину и поехали в Мишаваку, в квартиру, о которой я уже писала.

Всю дорогу мы говорили обо всем – о полете, о московских родственниках и друзьях, об их жизни в Америке.

Утром Леша уезжал на работу, дети отправлялись в школу, мы с Таней занимались хозяйством – ходили по магазинам, готовили еду.

Вечерами дети готовили уроки, читали, гуляли. С Гришей мы довольно часто играли в шахматы, причем часто он меня обыгрывал.

Однажды, в субботу, Гриня предложил мне сходить к Леше на работу. И мы вдвоем отправились в университет, которого я еще не видела. Дорога длинная, шли около полутора часов по улицам, где на тротуарах снег был убран только у некоторых домов, в основном топали по снегу. По дороге Гриня рассказывал мне о своих впечатлениях об Америке, говорил, что ему здесь не нравится, что все его друзья остались в Москве, а с американцами пока нет никаких отношений. Сказал, что учиться здесь ему неинтересно – скучно, ведь они изучают то, что он узнал еще в первом классе в Москве. «Американцы хвастуны и лгуны, говорил он, – например, учат в школе, что фашистов в Великую Отечественную войну победила Америка! Вообще они говорят, что все лучшее, что есть в мире, это американское».

По дороге Гриня показал дом, где они сначала жили. Пришли в университет, оказалось, что Леша заболел и уехал домой. Идти обратно тем же путем не захотели – порядком устали. Позвонили Тане, и через 15–20 минут она приехала за нами на машине и отвезла домой.

В один из следующих приездов я попала уже в другой дом, расположенный недалеко от университета, куда можно было ходить пешком, не слишком уставая. Этот небольшой домик ребята снимали. При нем был маленький участок, где мы с Гришей устраивали субботники – убирали опавшие листья и снег, если он выпадал, этот момент запечатлен на одной из фотографий.

По мере того, как Гриня взрослел, он стал как-то отвыкать и удаляться от меня, стало меньше тем для разговоров. Однако, по телефону на мои слова о том, что я очень без него скучаю, он говорил: «Я тоже».

Появились у Гриши друзья и приятели – мальчик Миша из России и двое или трое одноклассников. Гриня научился играть на гитаре, организовал маленький оркестрик. Иногда они выступали в школе, причем Гриня даже сочинил одну или две песни на английском языке.

Подростком он был несколько грузным, ему казалось, что он очень толстый, стеснялся этого, поэтому носил необычайно широкие штаны и такие же куртки. Учиться в

школе ему по-прежнему не очень нравилось, что сказывалось на его не слишком высоких оценках.

Тем временем ребята купили в рассрочку большой симпатичный дом, в котором пять комнат, достаточно большая кухня, много кладовок разного размера, два туалета, и при доме гараж на две машины. У каждого теперь своя комната, есть еще компьютерная и большущая, метров 40, гостиная с камином, эркером и окном в крыше. Примечательно, что Гриша, как и Леша в свое время, расписал стены своей комнаты рисунками, стихами и развесил не только на стенах, но и на потолке разные афиши. «Яблочко от яблоньки»...

Неожиданно еще в школе Гриня увлекся рисованием, в основном графикой, исполненной карандашом или тушью. У него очень неплохо стало это получаться, он быстро придумывает довольно оригинальные сюжеты своих рисунков. Помню, как перед Новым годом, годом Лошади, мы дали Грине задание – нарисовать пригласительные билеты на тему лошади. Минут через 20–30 он принес стилизованное изображение лошади, сидящей за стойкой с кружкой пива. Многие Гришины рисунки хранятся у меня в Москве.

Наконец, школа была окончена, и Гриша поступил в один из местных университетов, но после третьего курса перевелся в университет Блумингтона, небольшого городка тоже в штате Индиана, где учится на компьютерного дизайнера. Весной этого года он его заканчивает. Живет в малюсенькой, метров 7–8, комнатке, где помещается только матрас, столик с компьютером и кресло, есть там еще стенной шкаф. У его соседей по дому такие же комнатенки. В доме есть еще общие гостиная с телевизором, кухня и совмещенный санузел. Гришино жилье оплачивают родители.

В новом университете Гриша получил денежную премию за один из своих проектов. Огорчает, что в городе нет у Грини русских приятелей, он вынужден говорить только по-английски, и когда он изредка приезжает домой (дорога на машине занимает четыре часа), где говорят по-русски, иногда чувствуется некоторое затруднение в его русском говоре и он переходит на английский. Раньше у Гриши была замечательная четкая дикция. Теперь он говорит довольно невнятно. Может быть оттого, что американцы по-английски говорят очень неразборчиво?

Здравствуй, дедушка Саша!

Мне ты мне подарил набор досок и
 пилу (вот так красиво). И я вырезал
 нож, звезду, солдата, ежика, маму,
 маминку и их карикю вконец.
 Я прожил про Микку шевеле, чем
 за месяц. Мне Микку, шевеле не кра-
 вится. Я маминку - то маминку
 рисовал зубы . Они
 совсем не ош, потому что
 они совсем маленькие. Маминку в
 завтрак, маминку вырезать из дерева
 и держал. Я держал потрога
 и вырезал за это поучил.

Маминку же, маминку не совсем
 рый, вы сам вырезали. Мама выде-
 ли себе маминку белая с черными
 маминку и держал без. Ну маминку
 держал маминку.

КОНОП

Письмо моего внука Гриши

Жаль, всегда помню, как прекрасно он читал стихи, как выразительно изображал персонажей «Денискиных рассказов». Помимо учебы, которая занимает немало

времени, Гриша много работает на компьютере и, кроме того, работает в каком-то кафе или ресторане – готовит бутерброды! Раньше он развозил пиццу.

Гриня довольно часто звонит домой, разговаривает чаще всего с мамой, реже с папой и Дашей, мне кажется, что он скучает без них.

Сейчас Гриша высокий (180 см), стройный, красивый юноша, хорошо подстрижен (еще год–два назад носил длинные лохмы, которые его не украшали), «как дэнди лондонский одет» – ходит в длинном пальто с кашне, не суетлив, держится достойно, довольно прилично водит машину.

Гриша время от времени увлекается чтением произведений какого-нибудь заинтересовавшего его автора. Когда учился в школе, ему очень нравился Шекспир, он читал его и даже сделал проект – так у них называются самостоятельные работы – о Шекспире: нарисовал его портрет со скульптурного бюста, написал краткую справку о его жизни. Этот плакат висит теперь над моим диваном.

Сейчас он читает В. Пелевина, на мой взгляд, не лучшая литература, и японского автора Мураками, которого я не знаю совсем. Конечно, мне хочется, чтобы Гриня, русский человек, начал всерьез последовательно читать А.С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. П. Чехова, Льва Толстого,

*Мой внук Григорий Алексеевич Орлов.
США*

Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, И.А. Бунина, А.И. Куприна, И.С. Тургенева, М.А. Шолохова, К.М. Симонова, а из писателей русского зарубежья – М. Алданова и В. Набокова... Очень надеюсь, что это время придет, тем более, что у них в доме есть книги многих из этих авторов, да и в университетской библиотеке неплохая подборка русской литературы.

А больше всего мне бы хотелось, чтобы Гриша вернулся в Россию, думаю, что здесь ему найдется работа по душе, здесь его друзья и, может быть, именно здесь он найдет свою половину.

Гринечка, любимый мой внук! Где бы ни жил ты, я хочу, чтобы жилось тебе хорошо, чтобы развивались твои способности, чтобы имел ты верных друзей, чтобы работа была в радость. И если не придется вернуться домой, в Россию, то хоть иногда, сюда приезжай.

Не забывай меня, Гришаня!

Мое детство

Себя помню смутно, лет с пяти-шести, тогда мы жили в общежитии Текстильного института на Донской улице. Воспоминания очень обрывистые, случайные.

Помню большой двор с трансформаторной будкой посередине. Году в 1938 из Америки вернулась семья папиных друзей – Михаил Федорович и Анна Ивановна Герасимовы и их сын, мой ровесник, Володя, впоследствии известный журналист-международник. Тогда он уже умел кататься на двухколесном велосипеде, очень гордился тем, что у него есть велосипед, вещь по тем временам не часто встречающаяся у детей, и слегка выпендривался – то ездил, сложив руки на груди, то закидывал ноги на руль. Кончилось это плохо: выполняя один из своих выпендренных номеров он врезался в будку и пробил голову гвоздем, торчавшем из стены.

С Володей мы дружили, играли вместе в квартире его родителей в том же доме №35 на Б. Якиманке, где после общежития жили и мы. После прочтения книги В. Катаева

«Конduit и Швамбрания» играли в Швамбранию, почему-то играли тайно от родителей и все предметы, связанные с этой игрой, прятали под диван.

Помню Володину шикарную свадьбу в высотном доме на площади Восстания.

Володя закончил факультет журналистики МГУ и работал спецкором газеты «Правда» в Венгрии. После венгерских событий 1956 г. продолжил работу в «Правде» и «Советской России» в Москве. После смерти его мамы – Анны Ивановны – и Володиной женитьбы наши встречи стали редки, жили достаточно далеко друг от друга, да и работы у нас было много. С конца 1980-х годов след его затерялся, а жаль...

В те же годы постоянными моими спутниками в играх, моими близкими друзьями были Тамара Арефьева и **Женя Прощин**. Тамара до войны уехала с родителями в Кострому, куда ее отец, Гурий Осипович, был направлен директором текстильного института, а мы и Прощины переехали на Якиманку, где жили в одной квартире в соседних комнатах. Женя моложе меня на 4 года. Был он тогда шустер и несколько избалован. Мы часто называли его «хочу–не хочу». Дело в том, что Женя часто капризничал за столом. Дают ему, например, манную кашу, а он говорит: «Не хочу манную, хочу пшенную!» Тетя Люба бежит на кухню и варит пшенную и т.п.

Однажды затеяли перестановку мебели, отодвинули буфет и обнаружили за ним горку засохших каш и других остатков пищи – вновь приготовленную кашу Женя начал есть, успокоенная тетя Люба могла выйти из комнаты, а он благополучно сбрасывал за буфет часть пищи.

Когда учились в школе, а потом в институтах – он в МАИ, я в МГУ – мы часто встречались в одной компании. У Жени было много школьных и институтских приятелей, потом появились девочки, за которыми он охотно ухаживал, я же всегда оставалась ДРУГОМ. Забавно, что, будучи совсем ребенком, лет 5–6, Женя произнес историческую фразу, над которой смеялись наши родители. Он сказал: «Нина мне друг до гроба, но женой никогда»... На старом фото мы стоим с ним на кровати, изображая танцующую пару, кажется именно тогда и была произнесена эта фраза. Пришла пора, и он женился на красивой девушке, Люсе Бельшевой, у них родилась дочка Лена.

Но брак распался... Спустя несколько лет Женя вновь женился на славной женщине Тане, у них прекрасная семья, дочка Сашенька, окончившая Биофак, и три внука, дети Саши – мальчики Саша и Володя, и маленькая Иришка.

С Женей и Таней мы дружим, хотя встречаемся редко, но знаю, что всегда найду у них помощь и поддержку. Женя крупный, серьезный специалист, прекрасный семьянин, он часто собирает свою семью, брата Бориса, много времени отдает внуками, возит их на разные кружки и спортивные игры, часто мальчики вообще живут у него дома. Не забывает он и первую свою дочь Лену и ее сына. Никогда не забывает поздравить своих друзей с днем рождения, всегда спрашивается у меня о здоровье моих братьев, Алеши и его семьи. Жаль, что в теперешней нашей жизни, полной забот, болезней и пр. мы видимся редко. Мне всегда приятно с ним беседовать, слушать его суждения и оценки.

С **Тамарой Арефьевой** мы снова встретились во время войны в Костроме. После войны Арефьевы переехали ненадолго в Москву, а потом в Ленинград, где дядя Гурий стал директором текстильного института. Тамара стала хи-

*Моя мама
Мария Ивановна Визжилина
со мной.
1930-е годы*

миком и работала в каком-то НИИ. И с 1970 года мы регулярно встречались в Ленинграде, куда я ежегодно приезжала со студентами на кафедру генетики Биофака ЛГУ. Кроме того, у меня была совместная работа с сотрудником кафедры Виктором Смирновым, проводимая на семенах разных линий ржи, полученных в ЛГУ.

С Тамарой мы встречались либо на ее Ленинградской квартире, либо на даче ее родителей в Комарово.

Тамара человек очень активный, склонна к авантюризму, любитель всяких розыгрышей и веселых застолий. Вспоминаю такой случай. Тамара приехала в Москву и от родственников, у которых обычно останавливалась, пришла ко мне в гости. Долго вспоминали наше детство и юность, всякие наши проделки, говорили о детях, о работе.

Вспомнили не очень красивый наш поступок в Костроме. Родители отпустили нас гулять – Тамару, меня, Сережу и Тамарину сестру Иру. Нам с Тамарой было чуть больше 10 лет, ребятам соответственно около 6 лет. Родители дали нам 40 копеек, чтобы мы купили себе пирожки.

Мы пошли в парк, Сережа с Ирой стали играть в песочнице, а мы отправились покупать пирожки, купили 4

Мое детство

пирожка, и вдруг Тамара предложила съесть их, а ребят убедить, что они тоже ели пирожки... Мысль, конечно, дикая. Я согласилась не сразу и была уверена, что ребята нам не поверят. Однако, Тамара, спросив у них, хороши ли были пирожки и, услышав, что никаких пирожков они не ели, страшно возмутилась, «обиделась» и стала уверять их, что пирожки они ели и хвалили, что нечестно с их стороны так врать, что больше мы никогда не будем брать их с собой и кормить пирожками и т.д. и т.п. И ребята поверили! Мне до сих пор стыдно за эту «шутку». Утешает только то, что ребята тогда не страдали от голода.

Вдруг часов около 12 ночи Тамара спросила, почему с нами нет Жени Процина. И тут же предложила съездить к нему. Помилуй Бог, Тамара, уже первый час ночи, ехать до Жени минут 40 (до Котельнической набережной), метро уже не работает, в нашем глухом углу (новый квартал, ул. Новаторов) в такое время такси не бывает, да и Женя вряд ли обрадуется столь позднему визиту. Но Тамара «завелась», сказала, что это пустяки, что Женька будет счастлив повидать нас, и надо непременно ехать, чтобы преподнести Жене такой замечательный сюрприз. Мы вышли на улицу, машин, слава Богу, нет. Но надо знать Тамару, она остановила какую-то медицинскую машину, возвращающуюся на базу, и уговорила водителя отвезти нас на Котельническую набережную. Было уже около часа ночи, когда мы позвонили в дверь квартиры Проциных. Дверь отворил Женя. Что там картина Репина «Не ждали»!

Такая она, наша Тамара. Всегда была веселой затейницей. Однажды в Ленинграде выпросила у капитана речного парохода штурвал и некоторое время под капитанским оком вела по Неве пароход.

У Тамары дочка Лена, старше Алеши, закончила кафедру генетики Биофака ЛГУ. Сейчас она работает в США, в Калифорнии. Живет одна в большом двухэтажном доме, Тамара ездит туда в гости. Один раз и я побывала у Лены, когда приезжала к Алеше и ездила с ним и Таней в Сан-Франциско. Встретила она меня очень радушно, долго разговаривали с ней, вспоминали Комарово и нашу светлую тогда жизнь. Утром она отвезла меня на машине до железнодорожной станции, и я уехала в Сан-Франциско, где меня встретил Леша.

После «перестройки» мы с Тамарой виделись раза два и столько же раз говорили по телефону, уже года три мы не общаемся, такая теперь жизнь... Я даже не знаю, живет ли она в России, в Комарово, или уехала к Лене. Однако надеюсь, что она дома и, может быть, мы еще встретимся.

В квартире на Якиманке

Первый день в школе

Готовились к нему всей семьей – родители рассказывали, как там будет интересно, как много будет новых ребят. Утром в наглаженном платье с бантом в волосах я в сопровождении мамы отправилась в первый класс в школу на Якиманке. Номер школы не помню, т.к. проучилась в ней всего несколько дней. После какой-то прививки серьезно и надолго заболела, какие-то припадки, а летом началась война, и было не до учебы – переезды в Иваново и Барнаул (эвакуация), где нас с Женей обучала его тетка Зина, учительница начальных классов. Потом полгода училась в Костроме.

Но 1 сентября 1940 года запомнился тем, что на большой перемене все дети побежали в буфет, туда же направилась и я. Все выходили из буфета с какими-то булочками. Я подумала, что это дают всем, но оказалось, что не дают, а продают, а у меня не было ни копейки. Думаю, что от волнения мама просто забыла положить деньги мне в карман. Так что с грустью и, как мне казалось, с позором я ушла из буфета и даже немного всплакнула.

В нашем дворе дома №35 на Большой Якиманке происходило общение с ребятами из нашего и соседних домов. Двор казался большим и таинственным. Играли в беговую и круговую лапту, прятки, казаки–разбойники,

скакалки, «штандер» и салочки. Рисовали на земле квартиры с мебелью, в которой мы якобы жили, делали «секреты».

«Секрет» – это небольшая ямка в земле, куда укладывали какие-нибудь красивые штучки – цветы, цветные камешки и стеклышки разной формы и т.п. Все это накрывалось стеклом, засыпалось землей, но оставлялось окошко, сквозь которое можно было любоваться на все эти «драгоценности». Как же интересно все это было! А двор казался большим и таинственным. Ходить в соседние дворы мама не разрешала, однако иногда мы нарушали этот запрет и совершали тайные путешествия в эти дворы, что приносило массу удовольствия и открытий – чужие дворы были совсем не такие, как наш.

Когда подросли мои внуки и уже пошли в школу, я однажды привела их в свой двор, о котором предварительно им рассказала. Оказалось, что он маленький, скучный, какой-то совсем пустой... Даша и Гриша и вовсе не были от него в восторге...

Тогда я подумала, что может быть не стоит посещать старые места, связанные с детством и другим восприятием жизни. Это вызывает лишь разочарование и грусть.

Война и Парад Победы

Война застала нас на даче на 42 км Казанской железной дороги. Накануне, 21 июня 1941, в субботу, мы смотрели музыкальный фильм «Большой вальс» о жизни композитора Иоганна Штрауса. Прекрасное пение, красивая актриса, исполнявшая главную роль. В памяти не осталось сюжета, но помню, как переживала за жену Штрауса, Полли, которую он все время бросал, разъезжая по гастролям с певицей.

А утром пришла война с фашистами, о возможности которой часто говорили взрослые. Как только по радио объявили о начале войны, папа тут же уехал в Москву. Через несколько дней папа приехал и увез нас в Москву. Был он очень утомлен, замкнут, озабочен, совсем перестал шутить. Так закончилось для меня лето в Подмосковье, где было интересно, где по субботам показывали кино. Закончилось беззаботное, веселое, милое детство. Мне тогда только что исполнилось 9 лет.

В Москве мы пробыли недолго, но застали бомбежки, от которых спасались в бомбоубежище в доме с керамической облицовкой, стоявшем на другой стороне Якиманки, где он

стоит и по сей день. Помню, как стали раскрашивать, маскировать некоторые здания, как на окна наклеили бумажные полоски крест на крест и повесили на них темные маскировочные занавески. По вечерам дежурные по дому ходили по улице и по дворам, проверяя, нет ли где-нибудь хотя бы лучика света. Если обнаруживали свет, то приходили и заставляли плотнее зашторить окно. Днем по улицам девушки в военной форме носили большие аэростаты заграждения, которые ночью поднимали в небо.

Было страшно, когда среди ночи раздавался жуткий вой сирен, и голос И. Левитана несколько раз объявлял: «Граждане, воздушная тревога!» В доме все приходило в движение – мама торопливо одевала нас с Сергеем, давала нам в руки кулечки с едой и какими-нибудь нашими одежками, сама брала приготовленные еще днем вещи и мы бегом направлялись в убежище. Хотелось спать, но спать не удавалось из-за большого количества шепотом говоривших людей, что-то шуршало, женщины пытались успокоить и укачать маленьких плачущих детей, было неуютно и тревожно.

Один случай запомнился навсегда. Тревогу объявили вечером, когда мы еще не спали, а мама мылась. Услышав сигнал тревоги, она, накрывшись то ли полотенцем, то ли простыней, лихорадочно одела нас и сказала – «Пошли!» – «Мама, ты же не одета совсем!» – с изумлением воскликнули мы. Тут только она обратила внимание на себя и стала поспешно одеваться.

Тревога вызывала страх не только потому, что выли сирены, стреляли зенитки и по небу рыскали прожекторы, стараясь поймать вражеские самолеты, но еще и потому, что уже было известно о разрушениях и гибели людей под бомбами. Особенно страх усилился после того, как в соседнем переулке на школу упала бомба днем, когда там были дети и многие из них погибли.

Папа дома практически не бывал, а если приходил, то далеко за полночь. По ночам взрослые ходили на крышу, чтобы сбрасывать зажигалки, если они попадут на дом.

В Москве мы пробыли недолго и в начале июля уехали в Иваново к дяде Ване, где прожили до середины октября 1941 года.

16 октября папа прислал за нами машину, и прямо из Иванова мы приехали на вокзал, погрузились в вагоны

электрички, прицепленные к паровозу, и отправились в эвакуацию в г. Барнаул. В те дни в Москве началась паника, немцы близко подошли к Москве.

Окна в вагонах были занавешены чем-то темным, весь вагон был разделен простынями на отсеки – в каждом две лавки и вместо стола коробки или чемоданы. Вместе с нами уезжали Прощины и Филаретовы. До Барнаула добирались долго, две недели. Помню сильную ночную бомбежку в Ярославле, где на путях стоял наш состав. Грохотали взрывы, горели какие-то вагоны, вокзал, было страшно и светло, как днем. К счастью, наш состав ушел с вокзала целым.

И вот на разъезде между станциями Буй и Данилов поезд остановился. Был день, мы увидели, что на проводах висели какие-то тряпки, вещи. Оказалось, что недавно разбомбили состав, который шел перед нами. По рельсам ходил обходчик с палкой, разгребая что-то. Мои родители и Прощины пошли в тамбур, запретив нам куда-либо ходить и смотреть в окно. Вернувшись, они долго совещались, показать или не показывать нам, детям, то, что было на путях. Наши родители решили, что показывать не нужно, если разбомбят нас, то мы все равно все увидим, а если нет, то и пугать не следует. Прощины решили что-то показать Жене, ему было тогда 7 лет. Оказалось, что это «что-то» была лежавшая перед нашим вагоном оторванная нога в сапоге, а кругом – остатки того, что было недавно людьми.

С Женей случилась истерика, он плакал и кричал, чтобы скорее отправляли состав.

Обходчик сказал, что немцы летают и бомбят почти все составы. Однако мы избежали там бомбежки и уехали с этого разъезда до нее.

О том, что случилось у станции Шарья с мамой, я уже написала, рассказывая о ней.

Где-то в районе г. Молотова (теперь Пермь), куда не залетали фашистские самолеты, кончилась зона маскировки, и можно было смотреть в окно не только днем, но и вечером, и видеть залитые светом города и деревни. Вот была радость!

Наконец, 1 ноября 1941 года приехали в Барнаул. Нас поселили в двухкомнатную квартиру вместе с Филаретовыми в полуторном этаже (по московским меркам это второй этаж). Оказалось, что зимой так много выпадает снега, что сугробы вырастают обычно как раз до этого уровня.

Из барнаульского житья помню, как зимой мы бегали за санями, на которых возили подсолнечный жмых, подбирали на дороге и ели то, что падало с саней. Было очень вкусно! Еще зачем-то жевали черный вар, иногда пили чай с патокой, казавшейся нам лакомством... Много позже, когда в 1969 г. я пришла работать на кафедру на Биофак, зачем-то зайдя в комнату, где варили корм для дрозофилы, я увидела патоку, которую добавляли в корм, обрадовалась и попросила угостить меня ею. Девочки-лаборантки были в изумлении. Я взяла патоку в рот и ... не смогла проглотить – такая это была приторная гадость.

Помню жуткую снежную пургу, которая свалила с ног тетю Зину, сестру Любовь Сергеевны Прощиной, вырвала из ее рук сумку с документами. Их так и не удалось потом найти – так их разметало ветром и замело снегом. Долгое время тетя Зина восстанавливала документы, собирала какие-то справки, чтобы устроиться на работу – она была учительницей начальной школы.

Папа и А.С. Прощин в начале марта 1942 года возвратились в Москву. Однажды дядя Шура прислал для Жени валенки с калошами, незаменимая и роскошная для зимы вещь. Женька был тогда мальчишка отчаянный, озорной, и в один прекрасный день на улице ранней весной залез в такую громадную лужу грязи, что выбраться оттуда сам не смог, его с трудом вытащили взрослые, но, кажется, без калош, за что он был сурово наказан тетей Любой.

Помню о своих злключениях в Барнауле, о падении с качелей и переломе носа, доставивших маме столько волнений. Там же возникла моя первая влюбленность в мальчика, который был старше меня, внимания на меня не обращал, смотрел, как на младенца, а я изо всех сил пыталась ему понравиться, ходила за ним, пыталась что-то рассказывать, но, увы, все было напрасно!

В Барнауле испытала одно из сильнейших потрясений, связанных с войной.

Как-то краем уха я услышала разговор мамы с тетей Женей Филаретовой, в котором преобладали фразы – «Какой ужас! Варвары!» и т.п. При этом я видела, что они смотрят какую-то газету, которую прятали при моем появлении. Дождавшись, когда взрослые ушли из дома, я принялась искать газету и нашла ее под матрасом маминой кровати. Это была газета «Правда» с очерком, который назывался «Таня».

Очерк я, конечно, прочла. Трудно передать ужас и непонимание того, как это могли сделать люди. А фотография Тани с петлей на шее и отрезанной грудью, сделанная каким-то фашистом, стоит в памяти до сих пор... Тогда еще не было известно, что Таня – это Зоя Космодемьянская.

Весной 1942 г. мы с мамой уехали в Кострому. Там я впервые услышала в театре выступление ансамбля Красной Армии под руководством А. Александрова. Впечатление было огромное. Пение ансамбля вызывало не только удовольствие от исполнения, но и уверенность в нашей Победе – такова была атмосфера того концерта. Уверенность поддерживалась передачами по радио, разговорами родителей и их друзей. В Костроме я училась в школе во втором классе, как проходила учеба практически не помню, но хорошо помню, как влюбленный в меня мальчик по фамилии Тараканов однажды чуть не задушил меня, дурак, моим же шарфом – так неистово он хотел показать свою влюбленность. Спасла меня учительница, которая в этот момент вошла в класс.

Как я уже написала, мама всеми силами держалась, стараясь не огорчать отца, но, наконец, написала ему письмо, в котором на нескольких страницах была лишь одна, многократно повторенная фраза: «Коля! Забери меня отсюда!»

В конце января 1943 г. было подписано поданное в четвертый раз папино заявление о нашем возвращении в Москву, до этого были отказы (без вызова въезд в Москву был временно запрещен). Папа прислал вызов, и 28 января 1943 г. мы вернулись домой – дату я нашла в папиной записной книжке.

Последние годы войны мы жили в Москве. Я ходила в школу, что возле церкви на Якиманке (почти напротив французского посольства, бывшего особняка купца Игумнова), в третий и четвертый классы, а также во Дворец Пионеров, куда-то на набережную возле Крымского моста, где пела в хоре, помню лишь одну из песен – «Вниз по матушке, по Волге».

Бомбежек тогда уже не было, но жилось трудно и голодно. Мама ходила на рынок и меняла на продукты наши весьма скудные вещи и даже книги. До сих пор помню и жалею о двух книгах – стихи и переводы С. Маршака в синей

обложке и большая по формату книга о Лермонтове с его стихами, рисунками и множеством разных иллюстраций.

С 10 марта 1942 года и до конца войны папа был в Москве.

Из-за почти полной потери зрения правого глаза отец не воевал на фронте, хотя отправился в призывной пункт сразу после объявления войны. Он был записан в команду химзащиты, дежурил на чердаках во время бомбежек, разгружал дрова, ежедневно занимался Всевобучем.

С июля 1941 года папа вел записи о событиях и сообщениях Совинформбюро и передачах по радио «В последний час». Всего было сделано около 300 записей, причем многие из них описывали события не одного, а нескольких дней, так что по ним можно почти документально проследить весь ход войны, наши поражения и победы, узнать, когда и какие города мы теряли и вновь отбивали у фашистов, когда были бомбежки Москвы в первые месяцы войны, когда и как проходили главные сражения, обеспечившие нашу победу – Московская битва, оборона Ленинграда, Севастополя и Одессы, Сталинградская битва и т.д. Рассказано о салютах в честь освобождения городов, о его поездке на фронт в декабре 1942 года. В них, конечно, написано и о том, что происходило с нашей семьей и с его друзьями. Больше всего записей сделано в 1941–1943 годах.

Вот некоторые из них. (Надеюсь, что брат Коля опубликует эти записки полностью.)

«21.07.41. Первая бомбардировка Москвы. Фашисты бросали фугасные бомбы куда попало и разбомбили в основном несколько жилых домов. Было сброшено также много зажигательных бомб – зажигалок, вызвавших много очагов пожаров.

09.09.41. Началась война между США и Японией. Ночью бомбежка.

23.09.41. Бомбежка. Ночевал на работе.

25.09.41. Воздушная тревога. Бомбежки не было.

27.09.41. В ночь с 26 на 27 июля на Якиманке упала фугасная бомба. Она разрушила школу и жилой дом».

13.09.41. Приехал в Иваново и долго искал улицу [на которой жили мама и я с Сергеем]. Оставив машину, поднялся на 4 этаж и постучал в дверь с цифрой 10. Вышел человек, сказал, что Рябчиков живет здесь, и указал на дверь. Но я уже и сам слышал милый лепет Сережи и

рассудительный голос Нины. Когда я открыл дверь, Мария шарахнулась в сторону, Нина громко заплакала, и даже Сережа заволновался.

18.09.41. Только что приехал в Москву из Иванова. Еще не изгладился солоноватый вкус слез, которые попадали на меня от Ниночки и Марии. Молодцом держался Сережа. Мои милые, родные! Без вас я как обгорелый пенек!

19.09.41. Дежурство.

20.09.41. Воздушная тревога, дежурство.

21.09.41. Оставлен Киев.

22, 23, 26 и 27 09.41. Воздушная тревога.

29.09.41 Дежурство.

09.10.41 Оставлен Орел.

16.10.41. Отъезд в эвакуацию в Барнаул.

Три дня – 16–18 октября в Москве была паника. Ночь была темная, мрачная. Вокруг вспыхивали зарницы от орудийных выстрелов. По улицам шли танки, машины и пехота, бежали люди с узлами и чемоданами. После 18 октября порядок в Москве был восстановлен.

17.10.41. Перед станцией Данилов (Всолье) – бомбежка, стояли у остатков разбитых бомбежкой вагонов. Головы... ноги...

25.10.41. Проехали Молотов.

17.10.41. Проехали Свердловск.

20.10.41. Больше стоим, чем едем.

01.11.41. Прибыли в Барнаул.

06.11.41. Сообщили в «Правде», что фашистские изверги бомбили Большой театр и Университет, а также одно из зданий ЦК.

07.11.41. Осталось прожить еще несколько дней неудачного тяжелого 1941 г. К концу его дела начинают поправляться. Сегодня Информбюро сообщает о занятии нашими войсками Наро-Фоминска.

11.11.41. Назначен секретарем райкома по кадрам.

12.12.41 Сообщение о разгроме немцев под Москвой.

18.12.41. Наши войска освободили г. Калинин.

2.01.42. Начало года лично у меня неудачное. Маруся ночью сидела за столом и вдруг свалилась в обморок. Становится совсем тоскливо, когда подумаешь об этом.

16.01.42. Марии вчера снова было плохо. Видимо, катастрофа у меня еще будет. И скоро...

04.02.42. Наши оставили Феодосию».

Из записей, сделанных в Москве после возвращения из Барнаула.

«10 03.42. Обедал у Кузнецовой, она дала мне коробку зубного порошка. Завтра начищу зубы в ПЕРВЫЙ РАЗ ЗА ТРИ МЕСЯЦА(!)

13.03.42 Москва неузнаваема. Квартиры заморожены. В большой комнате моей квартиры на столе замерзла вода в стакане. Живу у Прощина.

Дома во время бомбежек Москвы мы сидели на чердаке, изредка вылезали на крышу. Наш дом № 35 на Большой Якиманке – шестиэтажный, первые три этажа – старый дом с толстыми стенами – и надстройка – следующие три этажа, осуществленная в 1935–37 годах. Она была очень хлипкая и сильно дрожала, когда неподалеку взрывались фугасные бомбы. Дрожала она и от артиллерийской пальбы. В общем, находиться во время бомбежек на чердаке этого дома было неприятно – казалось, что он вот-вот развалится.

9 04.04.42. Аккуратно хожу заниматься Всевобучем.

24.04.42. Утром на занятиях рассказывали о пулемете «Максим».

01.05.42. Дежурство.

10.05.42. Занятия в Сокольниках. После пробежки с переползаниями язык вываливается, а глаза лезут на лоб. Однако были и слабее меня. Занимаемся каждый день. Оружие осваивается плохо.

12.05.42. Занятия продолжаются, и конца этому не видно. Винтовку вызубрил, как будто лучше нельзя. Но зачем [она] мне, понять не могу. Стрелять же я не могу. Ну, да авось пригодится.

19.05.42. Сегодня в 18 часов зачитали приказ об окончании Всевобуча. Я получил оценку отлично.

25.05.42. Перебрался от Прощина на свою квартиру на Якиманке.

06.05.42. Мне присвоили звание батальонного комиссара запаса.

24.07.42. Ночью на улицах Москвы темно. Только на перекрестках горят светофоры. Бесшумно скользят машины. Вокруг неосвещенные громады домов, зияющие провалы темных окон. Кажется, что все спокойно и все безмятежно спят... Но это не так. Вдруг перед тобой вырастает тень... «Патруль военной комендатуры. Ваш пропуск». Вот слышан

какой-то глухой шум в здании с железными решетками на окнах. Там работают. Может быть, это хлебозавод, а, может быть, там делают снаряды. Не исключено, что делают и то и другое. Вот патруль остановил машину. На минуту сверкнул луч фонарика. С моста видны причудливые силуэты кремлевских башен и громада дворца, в залах которого проходили исторические заседания. Куранты на Спасской башне проиграли три раза... 1 час 45 минут.

Безмолвно висят аэростаты воздушного заграждения. Сколько их? Много! Тишина. Вот на мгновение вспыхнул в небе мощный луч прожектора, он выхватил из тьмы черную гряду облаков и снова погас. Вот у подъезда темная фигура, настороженно приглядывающаяся к вам. Это дежурный по дому.

26.07.42. Ездили в Мытищи на тактические учения. По тому, что происходило на поле, можно представить, какое сложное дело современный бой. Понятно, почему страшны танки. В течение нескольких минут 7–8 танков буквально проутюжили всю местность перед передним краем обороны и нашвыряли автоматчиков. При этом танки появились совсем не с той стороны, где их приготовились встретить...

27.07.42. Оставлены Новочеркасск и Ростов-на-Дону.

С 14 по 29 августа работал в воинской части в лесу.

20.08.42. Наши бомбили Кенигсберг.

31.08.42. Наши бомбили немецкие города.

08.09.42. Военная тревога, дежурил. Немцы рвутся к Сталинграду.

09.09.42. Сбито 11 немецких самолетов.

13.09.42. Иду выгружать дрова.

04.10.42. Заболел желудок, через час после еды боль валит с ног. Ем очень мало, только молочное без хлеба, сильно ослаб, еле двигаются ноги. Дежурил.

14.10.42. Дико болит желудок. Самочувствие паршивое, сильно похудел, под глазами синяки. Сегодня брали желудочный сок. Исключительно мучительная операция.

15.10.42. В поликлинике установили (рентген) язву желудка. Время для язвенных больных неподходящее... Бросает в жар и в холод. Врач говорит, что язва кровоточит. На днях ложусь в больницу. Но пока в больнице нет мест. Желудок болит даже натошак. Проклятый желудок!

18.11.42. Вышел из б-цы, где пролежал 27 дней. Боли прекратились, язва зарубцевалась».

О поездке на фронт с Монгольской делегацией в декабре 1942 года.

06.12.42. На Ярославском вокзале встречал Монгольскую делегацию <...> (об этом более подробно написано выше. – Н.О.)

14.12.42. Были в резервной бригаде. Смотрели боевое учение. Интересно было на артиллерийских позициях, стреляли по противнику.

15.02.42. Рано утром выехали к передовым линиям (в 3–4 км от переднего края). Смотрели, как стреляет «Катюша», два залпа по 16 снарядов. Зрелище очень эффектное.

18.02.42. Едем на артпозиции. Вчера видели пленного немца. Гаденький змееныш... Посетили 171-ю, 163-ю и 245-ю дивизии, артиллерийский полк и госпиталь. В каждой части смотрели армейскую самодеятельность. Замечательно! В 163-й дивизии видели знаменитого снайпера Намаконова, убившего 245 фашистов. Он награжден орденом Ленина.

23.12.42. Последние три дня были у летчиков, затем в Политуправлении и на приеме в Военном Совете. Везде делегацию встречал восторженный прием.

25.12.42. В 6 утра приехали на Октябрьский вокзал.

01.01.43. В «Правде» напечатаны «Итоги шестинедельного наступления наших войск на подступах к Сталинграду».

06.08.43. Первый салют в Москве.

10.04.44. Наши освободили Одессу.

24.04.44. Провели пленных немцев по Москве.

10.05.44. Освобожден Севастополь.

12.03.45. 300-й салют в Москве.

12.04.45. Умер Президент США Ф. Рузвельт.

24.04.45. Наши в Берлине.

30.04.45. Отменена светомаскировка. С Кремлевских звезд сняли чехлы.

01.05.45. Первомайский парад на Красной площади, ходил с Ниной и Сережей.

09.05.45. Сообщение о капитуляции Германии. День 9 мая объявлен праздником Победы.

24.06.45. Парад Победы на Красной площади! Был с Ниной и Сережей».

В войну отец потерял двух своих друзей – Михаила Федоровича Герасимова и Александра Андреевича Вавилова. Вот как об этом написал папа.

«Война поглощает столько человеческих жизней. Поколение, выращенное Советской властью за годы революции, сейчас истребляется безжалостной машиной войны... Рабочие ребята, выжившие в период империалистической войны 1914–1918 гг. Они знали первые дни революции, ощущали радость освобождения от дикого произвола, царившего на фабриках. Они учились – Рабфак, ВУЗ, аспирантура. Ценнейший фонд партии, страны.

Михаил Федорович Герасимов.

6 июня 1942 г. Шура (Процин) сообщил, что на Ленинградском фронте погиб смертью храбрых Михаил Федорович Герасимов. До слез жалко Михаила Федоровича! Не хочется верить, что его уже не будет больше. Это был человек, которому можно было доверять. Он был предан делу рабочего класса, а это главное, что определяет его ценность. Вечная память тебе, Михаил Федорович Герасимов!

Александр Андреевич Вавилов.

07.02.44. Саша Вавилов в исключительно тяжелом положении. Лежит с разрезанным горлом, говорить не может. Надежд на его выздоровление никаких (саркома). Очень жаль беднягу.

03.03.44. Сегодня в 8 часов утра умер Александр Андреевич Вавилов.

Грамотный, умный, хороший работник, честный и преданный коммунист. Русский, вышедший из глубин народных. Деды его и прадеды были, очевидно, крепостными.

Совместная работа с ним в Таджикистане сроднила нас. Я всегда питал к нему чувства глубокой симпатии и уважения. Трудно подобрать слова, чтобы выразить мое глубочайшее сожаление по поводу его смерти.

Прощай, родной! Пусть навеки сохранится в сердце моем память о тебе и о тех днях, которые провели мы вместе. Последний месяц он все время лежал лицом к стене. Какая нелепость умереть в 38 лет мучительной смертью. Жалость тискалами схватывает сердце...

06.03.44. Сегодня была кремация Саши Вавилова. Бедный мученик. Он так много перенес в борьбе с невидимым противником – саркомой».

В апреле 1944 г. мы переехали на Можайское шоссе, сначала в одну из двух комнат квартиры, принадлежавшей семье офицера, служившего в Германии (вторая комната была закрыта). Спустя несколько месяцев папе дали небольшую двухкомнатную квартиру в том же доме, где мы прожили почти 14 лет.

Там я сменила две школы, в одну из которых, № 665, весной возила меня мама на саночках сдавать переводные испытания, которые были тогда после 3–6 классов. Там же, почему-то на лестничной площадке, без всякой торжественности меня приняли в пионеры, я повторила вслед за вожатой торжественное обещание. Она произнесла: «К борьбе за дело Ленина–Сталина будь готов!», я ответила: «Всегда готов!», и она повязала мне красный галстук... Для меня это было очень важное и долгожданное событие.

Я очень стремилась в комсомол, даже ходила в Киевский райком комсомола узнать, почему меня не принимают (мне было тогда 13 лет). Там мне серьезно объяснили, что по Уставу в ряды ВЛКСМ принимают только с 14 лет. Успокоилась, дождалась своих 14 лет и вступила в комсомол в 6-м классе, предварительно тщательно изучив Устав и подготовившись «по политике» по газетам.

Помню светлый день окончания войны – 9 мая 1945 года. На улице полно народу, все радуются, смеются, обнимаются. Даже те, кто потерял в войну близких, улыбаются сквозь слезы. Поистине, «это праздник со слезами на глазах».

Из репродукторов льется веселая, бравурная музыка, временами прерываемая сообщениями о капитуляции Германии и разными праздничными лозунгами. На Красную площадь меня не пустили родители – слишком мала. Но то, что там происходило, периодически сообщали по радио и потом много раз показывали в кино – заполненная до отказа площадь, крики «Ура!», подбрасываемые в воздух военные, объятия, цветы, поцелуи...

Вечером был грандиозный праздничный салют. Описать всеобщее волнение и ликование того дня трудно – все было, как никогда, прекрасным!

Парад Победы

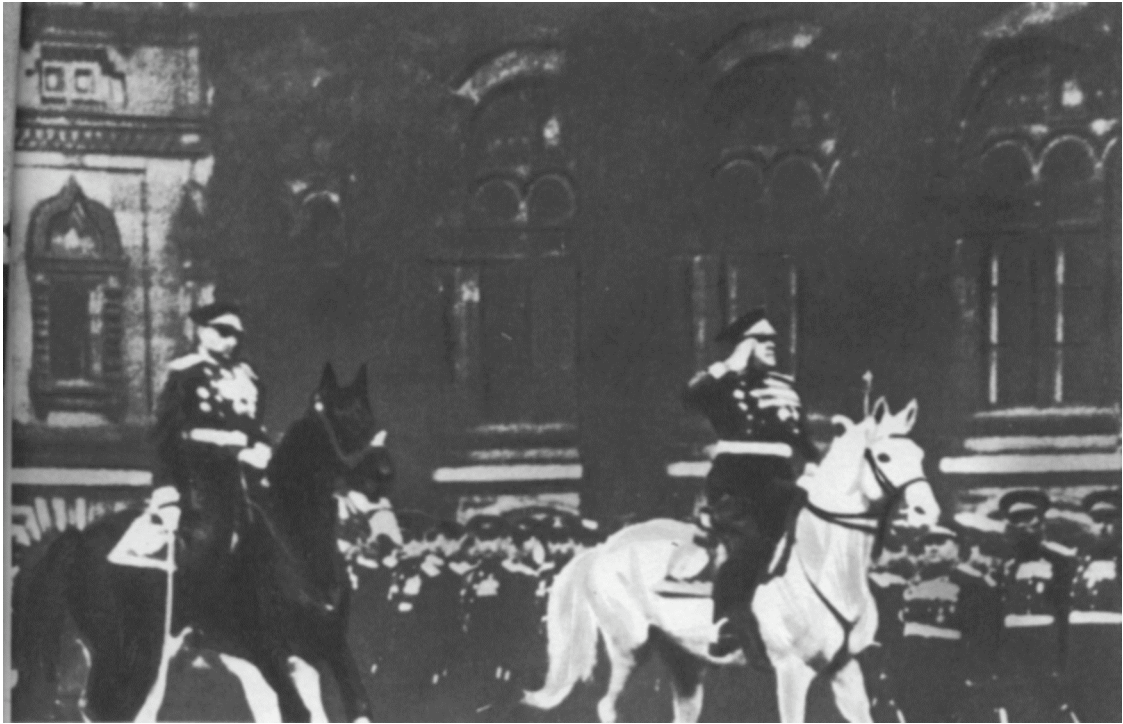
С концом войны связано еще одно чудесное воспоминание – это парад Победы, который состоялся 24 июня 1945 года, куда папа взял меня и Сергея.

Мы стояли на 24-й трибуне, что находится слева от Мавзолея Ленина, если встать к нему лицом. С трепетом ждали появления

на трибуне Мавзолея Верховного Главнокомандующего Иосифа Виссарионовича Сталина. И вот он появился вместе с военными, членами правительства и руководителями партии. Сталин был так близко, что в течение парада мы могли все время наблюдать за ним.

В 10 часов под бой курантов из ворот Спасской башни кремля появились известные не только в нашей стране, но и во всем мире полководцы: командующий парадом маршал Советского Союза Константин Константинович Рокоссовский на вороном коне и принимающий парад маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков на белом коне.

По периметру Красной площади выстроились представители всех 10-ти фронтов – Карельского, Прибалтийского, Ленинградского, 1, 2 и 3 Белорусских, 1, 2, 3 и 4 Украинских – а также полк моряков Военно-морского флота, представители всех военных академий, Суворовских и Нахимовских училищ и части Московского гарнизона. У всех воинов на груди ордена и медали, у многих – Звезды Героев Советского Союза.

*Парад Победы на Красной площади в Москве.
24 июня 1945 года*

Как у Пушкина – «Все красавцы молодые, великаны удалые, все равны, как на подбор!»... Как мы узнали потом, среди тех, кто участвовал в параде, были люди, уходившие на фронт с парада 7 ноября 1941 года.

Прозвучала команда: «Смирно!» и начался объезд войск. Г.К. Жуков поочередно здоровался с воинами разных соединений, поздравлял с Победой. В ответ звучало: «Здравия желаем, товарищ маршал Советского Союза!» и громкое, троекратно повторенное «Ура!» После объезда войск сводный военный оркестр в составе 400 человек (об этом сообщили по радио) исполнил «Славься!» М.И. Глинки. Г.К. Жуков поднялся на трибуну Мавзолея Ленина и по поручению ЦК ВКП(б) и Советского правительства произнес речь, закончив ее словами: «Вечная слава героям, павшим в боях за нашу Советскую Родину! Да здравствует народ-победитель, его военные силы и наш вождь товарищ Сталин!»

Под звуки Гимна Советского Союза прозвучал мощный салют – 50 залпов из орудий, расположенных на кремлевской стене.

Начался церемониальный марш войск, который продолжался около двух часов. Все было прекрасно, но в течение всего парада лил сильный дождь. Мы видели, как к

Сталину подходили люди и предлагали ему зонт или уйти с трибуны. Но он только отрицательно качал головой, с парада не ушел и зонта не взял.

Проход войск был великолепен. Впереди несли знамя Победы, привезенное 20 июня из Берлина для парада. Особенно красиво, как всегда, шли моряки, суворовцы и нахимовцы. Во время прохода войск, по радио рассказывали о боевом пути каждого подразделения, о Героях Советского Союза, о военачальниках.

Во время войны было захвачено большое количество знамен разбитых гитлеровских армий и частей, в том числе личный штандарт Гитлера. Специально выделенная рота несла 200 отобранных штандартов, опустив их почти до земли. И под громовой треск барабанов бросали их к подножью Мавзолея на специально сделанные деревянные подмости, чтобы не оскверняли они своим прикосновением священных камней брусчатки Красной площади...

А потом пошли пограничники с собаками, кавалерия и техника. Огромные пушки, танки Т-34 и КВ, бронетранспортеры и знаменитые «Катюши», встреченные аплодисментами.

А дождь лил все сильнее, поэтому запланированная демонстрация трудящихся не состоялась.

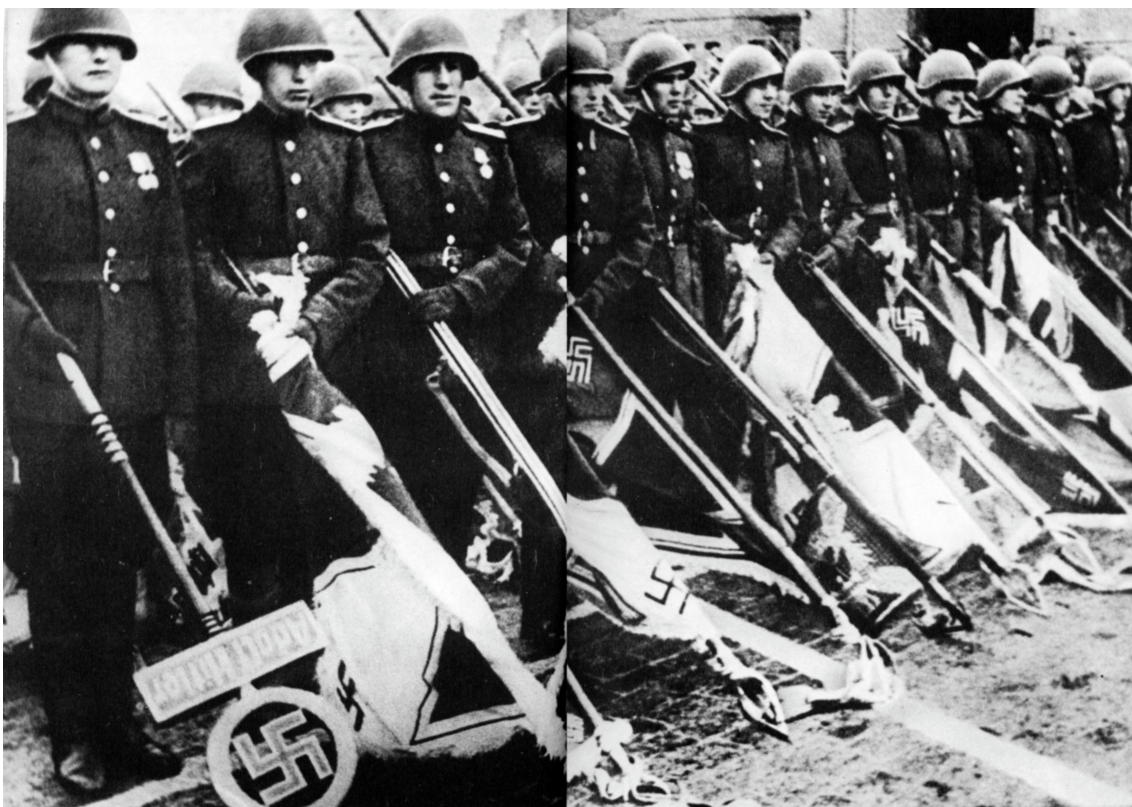
После парада, промокшие, но счастливые, мы пошли к папе на работу в ЦК, немного обогрелись и поехали домой. В ЦК в тот день я была в первый и последний раз.

Вечером, в 23 часа, под звон Кремлевских курантов пять прожекторных колец опоясали Москву. Из многих сотен аэростатов посыпались тысячи ракет, а навстречу полетели разноцветные огни фейерверков...

В очерке «Полдень победы» Леонид Леонов написал об участниках парада:

«Дорогие отроки и девочки, и вы – совсем маленькие! Запомните этих грозных и очень добрых людей, избавивших вас от кнута и виселицы, от газа «циклон» и печки со страшным красным глазком... Таких подарков детям не дарил еще никто. И если когда-нибудь усталость надломит ваше вдохновение или грянут черные минуты, от которых мы, немножко постаревшие и смертные, не можем оборонить вас на расстоянии веков, – вспомните этот день, и вам смешна станет временная невзгода. Вам будет так, как если бы раскрыли бесконечно святую книгу творческой муки,

беззаветного героизма и бессонного труда. Эта книга называется Великая Отечественная война».

*Парад Победы на Красной площади в Москве.
24 июня 1945 года
Поверженные штандарты
фашисткой Германии*

